

Поднятая в специальном бюллетене «Русского института», посвященном Ярославской инициативе президента России, дискуссия вокруг экономических результатов 2009 года, о том, что такое «посткризисный мир» и кто является «победителями кризиса», получила отклик и в западной интеллектуальной среде. РЖ возвращается к теме, предоставляя слово Мартину Вольфу - известному британскому экономисту, главному экономическому обозревателю газеты «The Financial Times» профессору Ноттингемского университета и почетному доктору Лондонской школы экономики — регулярному гостю хит-парада «Ведущие мировые интеллектуаль».

КРИЗИС ПОДТВЕРДИЛ КЕЙНСИАНСКУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ

Мартин Вольф

Какие изменения произошли в экономике развитых стран за 2009 год? Вопрос непростой. Ответить на него можно следующим образом.

Во-первых, развитые страны вошли в рецессию, из которой они начали выходить в основном в третьем квартале, но пока слишком рано говорить о том, какие структурные изменения имели место. Очевидно, что кризис сказался негативно на уровне и темпе экономического роста, а также на уровне безработицы в течение длительного времени. Видимо, и размер финансового сектора тоже долгое время находился под влиянием негативных факторов.

Во-вторых, лучше всего измерить разрыв между странами, сравнив ВВП на душу населения, паритет покупательной способности. В целом этот разрыв после рецессии остался таким же, каким был до нее.

Только Китай и Индия растут гораздо быстрее, чем развитые страны, и похоже, что эта тенденция носит устойчивый характер. В-третьих, кризис должен был больше ущерба причинить «правым», чем «левым». Однако этого не произошло. В действительности и те и другие выступали за рынок. Поэтому ни те ни другие не сумели предложить никакой внушающей доверие альтернативы.

«Левые» (демократы) победили в США, «правые» (Христианский демократический союз, Христианский социальный союз, «Свободные демократы») победили в Германии.

Похоже, никто не создал новых представлений о том, как должны сосуществовать государство и рынок. Возможно, причина такой ситуации в том, что кризис показал не только необходимость большего регулирования рынка, но и огромное финансовое перенапряжение государств.

Судя по всему, в результате кризиса никто не выиграл. Государство перегружено обязательствами. Свободный рынок кажется крайне нестабильным. А крупный финансовый бизнес выглядит некомпетентным, если не сказать — явно коррумпированным. Похоже, мы движемся к новым компромиссам, которые предусматривают большее финансовое регулирование, чем прежде, но не возврат к левым идеологиям. Мало кто верит, что у государства на все найдется ответ. Может быть, нынешний период стоит назвать «веком крушения иллюзий».

Если же говорить о современных настроениях и ожиданиях, то в целом, полагаю, превалирует облегчение от того, что результат не оказался еще хуже. Присутствует и озабоченность будущим. В целом в развитых странах все испытывают чувство крайней неопределенности, и испытывают совершенно правильно.

Что касается экспертных групп, предлагавших различные сценарии развития кризиса, что очевидно, что выиграла спор о явлении кризиса алармисты, а спор о том, что нужно делать, выиграла оптимисты. Кейнсианская экономическая теория доказана.

Я не заметил особенного изменения функции публичных интеллектуалов по сравнению с их ролью 30-40-летней давности, но, вероятно, ее не сравнить с той, какую они играли в 1920-х и 1930-х. Думается, причина в том, что Запад, похоже, интеллектуально истощен — в сущности, как и весь мир. Слишком рано говорить, какие элементы интеллектуальной жизни оказались успешны в 2009 году. Если и появились какие-то фундаментально новые идеи, то мне о них неизвестно.

В краткосрочной перспективе больше всех выиграл Китай. В долгосрочной перспективе китайский рост кажется более уязвимым. Нет никакой уверенности, что можно повторить докризисные модели развития. Китай стал слишком зависим от бурного кредитного и инвестиционного роста. ■